

каций и отношений, а также интеллектуальные ресурсы, накапливаемые в результате всеобщей человеческой деятельности, связываются в единую глобальную структуру. Виртуальный мир не только не уступает актуальному по своей глубине, по масштабам доступа к источникам информации, по возможностям коммуникаций, по созданию образов и произведений искусства, по возможностям научного познания, по включенности любого человека в происходящие события, но, возможно, и превосходит последний.

Можно предположить, что с усложнением информационных технологий виртуальный мир все более и более будет приобретать качества реального мира. То, что мы сейчас понимаем как виртуальный образ внутри виртуального мира, в будущем вполне может стать неотличимым от вещей, предметов, реальных феноменов. Гипотетически, усложнение посредством новейших компьютерных технологий виртуального мира до такой степени, что внутри него невозможно будет провести различие с миром вещным, приведет к нивелированию критерия «недоделанности», «недовозникновения», «недовоплощения» как существенного свойства виртуальных объектов. Существование единого виртуального мира, обладающего особыми онтологическими свойствами, меняющего характеристики реального пространства и времени, заставляет по-новому осмыслить многие онтологические и социальные феномены и перспективы развития человечества.

Примечания

- ¹ См.: Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994; Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Под ред. Н.А.Носова. М., 1996; Носов Н.А. Манифест виртуалистики // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып.15. М., 2001; Носов Н.А. Виртуальная психология // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып.6. М., 2000.
- ² См.: Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М., 2005.
- ³ См.: Афанасьева В.В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
- ⁴ См.: Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Opladen. 1997.
- ⁵ См.: Becker B., Paelau M. Viralisierung des Sozialen Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt a/M., 1997.
- ⁶ См.: Kroker A., Wetnstem M. Data trash. The Theory of the virtual class. Montreal, 1994.
- ⁷ См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.
- ⁸ См.: Колин К.К. Глобальные проблемы информатизации: информационное неравенство // Alma mater: Вестн. Высш. шк. 2000. №6; Он же. Социальная информатика. М., 2003.
- ⁹ См.: Гасилин В.Н., Тягунова Л.А. Виртуализация социума. Саратов, 2007.
- ¹⁰ См.: Шеховцев А.Ю. Информационное пространство человека в координатах межцивилизационной парадигмы // Информационная цивилизация: пространство, культура, человек / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2000. С.25–32.
- ¹¹ См.: Акчури И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Общетеоретические и логические проблемы виртуальных миров. М., 2003. С.12.
- ¹² Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С.61.
- ¹³ См.: Mandelbrot B.B. Fractals: Form, Chance and Dimension. San Francisco, 1977.
- ¹⁴ Интересно, что в квантовой механике существует представление, согласно которому каждая реальная микрочастица окутана «шубой» из виртуальных частиц, благодаря которой и возможно взаимодействие с другими частицами. Похоже, что в подобную же виртуальную «шубу» окутана и вся наша планета, да и каждый человек в отдельности.

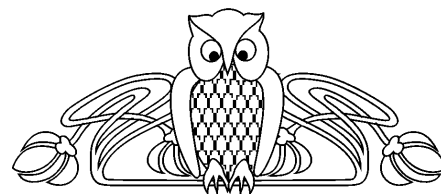
УДК 101:004

ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУРАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ж.Ю. Бакаева

Рузаевский институт машиностроения (филиал)
Мордовского государственного педагогического института
E-mail: jannasar@yandex.ru

В статье анализируются тенденции и закономерности развития языка как целостной информативной системы, с учетом определенного режима его существования как совокупности элементарных информационных составляющих языка (слов, знаков). Проводя параллель между информационными структурами, – информационный процесс, информационная деятельность и информационная технология, – и взаимосвязями

между ними, через коммуникации можно вывести определенные режимы их существования.

Ключевые слова: информативная система, информационный процесс, информационная деятельность, информационная технология, структура, режим существования, коммуникации, закономерности информации, дискурс.

Language in the Communicative Structures of the Information Society

J. Y. Bakayeva

In this article the tendencies and conformities of language development as a complete informative system, taking into consideration the definite regime of its existence as a totality of the elemental information composites of a language (words, notes) are analyzed. Comparing information structures, such as information process, information activity and information technology and their correlation through the communications we can deduce the definite regimes of their existence.

Key words: informative system, information process, information activity, information technology, structure, existence regime, communications, conformities of the information, discourses.

Психология и менталитет народа включает в себя определенные культурологические константы, которые формируются на противопоставлении ограниченных (национальных) и всеобщих (общечеловеческих) составляющих. Истоки этих составляющих формируются, во-первых, по типу отношения человека к миру (самотрансцендентности или типу рациональности), во-вторых, под влиянием культурно-типических (самотождественности) факторов. Выявление этих взаимосвязей необходимо для понимания того, по каким каналам и каким способом поступает информация в информационное пространство, т.е. как пополняется информационный объем – количественная характеристика информационных процессов. Информационный объем структурирует и организует механизм передачи информации в рамках влияния мысли на язык.

Поведение индивидуумов определяется сообщениями, поступающими из окружающей среды, которые имеют сложную форму. Элементарная структура этих сообщений в части, касающейся последующих реакций индивидуумов, определяется психофизиологическими свойствами «приемника». Наряду с непосредственно поступающими сообщениями следует выделять сообщения, удаленные во времени или в пространстве и воспроизводимые в окружающей среде путем использования пространственных (например передача) или временных (например запись) каналов связи. Между пространственными и временными сообщениями можно установить соответствие путем использования про-

цесса развертки. При этом происходит последовательная выборка различных точек некоторой пространственной структуры, расположенных в определенном порядке. Эти сообщения измеримы, причем мерой служит количество информации, выражающее их оригинальность, т.е. передаваемую сообщениями степень непредсказуемости. К этой мере количества информации в рамках процесса развертки можно отнести символы, образы и копии объектов. Они являются одними из основных понятий среды, в рамках которой осуществляется отражение. Эти представления являются основанием коммуникативных процессов. Трансформация информации в знаки и символы определяется, во-первых, тем, что знак выполняет функцию указания на внешнее и внутреннее сходство сравниваемых объектов культуры. Внешнее сходство фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком, внутреннее – устанавливается характерным для знака отношением обозначаемого к обозначаемому. Знак не имеет прямого сходства с обозначаемым. Он выделяется и обобщается с помощью иного сходства объектов – по приметам. Каждое сходство между объектами, будучи воспринятым людьми в качестве значимого, наделяется определенной приметой – визуальной, интонационной, чувственной. Когда устанавливается сходство объектов в целом, образуется совокупность фиксированных меток, налагаемых на поле сравнения, то есть на сравниваемые, обозначаемые. Когда во множестве ситуаций сравнений такие приметы складываются в устойчивую совокупность, им придается форма знака. Знак является значимым в той мере, в какой между ним и тем, на что он указывает, имеется какое-либо подобие (например, дорожные знаки, знаки социальных различий, нотные имеют подобие тех восприятий, которыми порождается необходимость соответствующих обозначений)¹. Однако знак не эквивалентен обозначаемому, то есть не состоит с ним в отношениях полного соответствия.

Символические области структурируются в культуре с помощью различных антропологических механизмов. Символом называется объект, стереотип поведения, слово,

указывающие на некую значимую для человека, природную область реальности, созданную людьми, связанную с психическими состояниями или переживаниями и имеющую предметную выраженность, отличную от символической представленности. Наиболее социально значимыми символами в культуре являются лингвистические комбинации артикулированных звуков или письменных знаков. Они могут представлять почти любые значения² Таким образом, символ как определенное количество информации выражается через логарифм числа возможных сообщений, обладающих одинаковой видимой структурой, между которыми передатчик должен был произвести *выбор*. Для данного числа символов количество информации достигает своего максимального значения, если структура «языка», определенная этим набором символов и использованная в канале передачи (а в известных случаях, и индивидуумом), такова, что все символы имеют одинаковую вероятность появления (равновероятные символы). Информация, таким образом, есть величина, существенно отличная от значимости (signification) и не зависящая от последней: сообщение с максимальной информацией может казаться лишенным смысла, если индивидуум не способен его декодировать и тем самым привести к понятной форме. В общем случае понятность сообщения меняется обратно пропорционально его информации. По существу, информация есть мера сложности форм (pattern), предлагаемых восприятию. Понятия сложности и информации некоторой структуры, формы или сообщения являются синонимами.

Жизненная среда человека – это не просто совокупность природных, созданных людьми объектов, но и мир символов, объединяющих этот объем и связанные с ним переживания в значимые для людей целостности. Символизации, символический уровень культуры порождаются и существуют в процессах совместной жизни и деятельности людей в качестве источника интерсубъективно «легитимированных» (разделяемых, признанных сообществом) объектов, используемых людьми в коммуникативных процессах. Формирование символов является тем социо-

культурным механизмом, который придает конвенциональность (некоторую негласную договоренность о взаимоприемлемости) культурным ситуациям, то есть делает их понятными, определенными, с точки зрения организации социального взаимодействия. Символы, таким образом, указывают на существование культурных порядков как специально выделенных организованных культурных форм, объединяющих условия, процессы и отношения соответствующих этим формам действий и взаимодействий. Каждая область социокультурной жизни имеет собственную символизацию. Такого рода связи структурируют специфику ориентации и определяют выбор единиц из существующих символических систем в определенных ситуациях. Они имеют как универсальные для человека, так и культурно специфичные компоненты, сочетание которых определяет способы конструирования, восприятия и выражения людьми переживаний своего конкретно-исторического существования. Они порождают значения обозначающих, которые задаются как «истинные», априори заданные, неоспоримые. Ощущение их наличия обеспечивает поддержку для проведения различия между тем, что имеет и не имеет значения для практических, аффективных (эмоциональных) или интеллектуальных целей.

Специфика символической среды по отношению к идеациональной (состоящей из идей и образов) заключается в природе составляющих ее элементов. Символы обнаруживают себя как культурные феномены, лишь выражая свою связь, свое отношение с обозначаемым объектом. Таким образом, символ представляет в фиксированной культурной форме разделяемое людьми, общее для них представление через наиболее устойчивые и характерные для него черты, знаки, доступные для выражения, способы экспликации связей между реальностью и ее рациональным представлением.

Концепция символа возникает при осознании того, что обозначаемое и означающее имеют различную природу. Обозначаемое существует в своей имманентности вне зависимости от своего естественного или искусственного происхождения. Обозначающее в

функциональном отношении несамостоятельно без обозначаемого, однако в культурном поле как объект существует в выразительной форме (слова, изображения, жесты и т.п.).

Категория «смысл» указывает на необходимость установления связи между восприятием и символическим выражением, на обязательную интересубъективность в определении структурности связи.

Особое место принадлежит области воображаемого, которая не соответствует ничему воспринимаемому (реальному) или мыслимому (рациональному). Сложность заключается в том, что в случае воображаемого можно обнаружить то обозначаемое, к которому относится обозначающее, поскольку его «способ существования» является, по определению, способом небытия. Однако символ существует вне зависимости от того, обозначает он нечто реальное или воображаемое. Он существует в том смысле, что может быть включен в дискурс в соответствии с некими априорно заданными конструктивными правилами. Но совсем необязательно, чтобы символические построения имели значение, смысл с точки зрения соответствия реальности³.

В заключение можно сказать, что коммуникативные процессы невозможны без изучения языка с точки зрения его традиционной теории. Слово есть одно из его составляющих и определяется знаком как элементом информации. Значение слова в ней есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития.

Заключая в себе стабильные значения, с одной стороны, единицы и фигуры языка систематически подвергаются инновациям благодаря отражению сознанием постоянно изменяющейся реальности, развитию структуры мысли, работе органов речи, языковой

интерференции, с другой стороны, любые инновации узакониваются только в том случае, если они не противоречат традиции, не нарушают естественно-исторического языкового уклада. Вследствие таких противоречий значения единиц и фигур языка (образов и символов), как правило, не имеют абсолютного соответствия той информации, которая подлежит передаче, причем это несоответствие возникает не только у слушающего, но и у говорящего в момент заполнения языковых фигур вербальной информацией. Это заполнение никогда или почти никогда не исчерпывает полностью содержания мыслительной информации индивидуумов, говорящих на этом языке, ибо в результате мыслительной деятельности происходит слияние содержания языковой памяти с содержанием отраженного «кусочка» объективного мира, и язык, несмотря на феноменальную способность его единиц к обобщению, не в состоянии вместить одновременно весь этот колоссальный информационный арсенал.

Механизм передачи языковой информации связан с тремя информационными уровнями в функциях языка. Первый – конституативный (функция или функции, определяющие природу языка) – атрибутивный и функциональный природы информации, второй – субуровень (функции отдельных составных элементов языка) – количественный аспект информации (по М.М. Бонгарду) и третий – эпиуровень (употребление языка в конкретных ситуациях) – качественный аспект информации (А.К. Айламазян). Конституативные функции языка связаны с мыслеобразующей функцией, характеризующейся определенным уровнем информации и перемеными человеческой деятельности в информационном обществе. Культура фиксирует социально-исторический опыт в форме различных знаковых систем, имеющих смысл и значение. Динамика культуры связана с формированием мировоззренческих универсалий⁴. В них выделяют блок универсалий, характеризующих человека как субъекта деятельности, структуру его общения, его отношений с другими людьми и обществом в целом, к целям и ценностям социальной жизни.

Одной из этих универсалий являются коммуникации как информационный дискурс знаковых систем. Элементами знаковых систем являются коды и символы. Информационный дискурс рассматривается в рамках отношений знаков к их содержанию как режим существования объектов. По М. Фуко, «дискурс» не столько способ организации отношений между «словами» и «вещами», сколько установление, обуславливающее режим существования объекта. М. Фуко выделяет такие формы восприятия, основанием которых является дискурс об опытах-пределах субъекта в качестве режима его существования в конструкциях знания⁵. Трансформация в постмодернизме осуществляется через феномен культуры – технику, позволяющую использовать системы знаков (коммуникации). М. Фуко приходит к парадигме собственной «археологии», выясняющей условия возможности происхождения и существования различных феноменов человеческой культуры. Западный человек смог конструировать себя в собственных глазах в качестве объекта науки, он взял себя внутри языка и дал себе в нем и через него некое дискурсивное существование лишь в соотношении со своей собственной дистрикцией. Опыт-предел режима существования определяет смысловые акценты знаковых систем. Анализ формирования знаковых систем определяет задачу коммуникаций как процессы кодирования и декодирования информации. Язык в рамках коммуникативности определен как совокупность знаков, определяющих мир коррелятом сознания. Следовательно мир осознается каким-либо (например речевым) образом в процессе «нюансирования – проецирования информации».

Язык в рамках информационного общества трактуется не только как инвариантный конструкт, но и как определенная игра. Языковая игра – это определенная модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст. Речь не только служит выражением идей, она устанавливает отношения и связи. Речь образует между от-

дельными людьми, группами или нациями жизнеспособные взаимоотношения партнеров, вступающих в диалог. Реальность открывается нам в диалоговой обращенности к нам самим и утверждается в наших ответных поступках. Реальность это не поток, текущий вниз, под мосток, а поток, протекающий через нас. Э. Гуссерль выделяет в рамках этого процесса реальность как «данность» и «интенциональность», где дискурс определен метрическими отношениями информации (безотносительностью и условностью связей) и направлен на создание объективного и императивного речевого пространства. Речевое пространство определяется фундаментальными взаимоотношениями, устанавливаемыми речью, образуя единство и определяя исход.

Взаимодействия знаковых систем определяет процесс познания через концепцию «знаковых проводников». Человеческое мышление трактуется в смысловых отношениях как субстанциональный разум и разум как процесс. Социальный конструктивизм Ж. Дерриды и Ф. Соссюра понимает ментальные процессы как результат межличностного взаимодействия – «метафизической» реальности, где дискурс определяется топологическими отношениями информации (смежности и сходства связей) и направлен на создание субъективного пространства.

По мысли Ж. Дерриды, отталкиваясь от представления знака в средневековой традиции, можно выделить две его ипостаси. С одной стороны, знак определялся как метафизический, а с другой стороны, он вышел за пределы этого представления, расширив границы своей сущности.

Примечания

¹ Глебкин В.В. Наука в контексте культуры. М., 1994. С.45–53.

² Гиндин С.И. Семантика текста и различные теории информации // Журн. науч.-техн. информ. 1971. №10. С.6–8.

³ Пирс Ч. Логические основания теории знаков. М., 2000. С.34–45.

⁴ Философская и культурно-типическая антропология: культурно-типическая модель науки / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. Саранск, 2003. С.105–154.

⁵ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.